

лучив из нашего мира субъективное, мы получим одно чистое отрицание, ничто. А потому природу можно вывести из законов «я».

После колоссальной затраты остроумия на умозрительное построение мира пришлось убедиться, что это невозможно, что необходимо исследование, опыт, т.е. что природа заключает в себе самостоятельное начало, что мы имеем здесь поле чуждых нам явлений, не имеющих ничего общего с законами логики или мнимыми законами морали. Эмпирики же, веруя в объективность показаний наших чувств, развили все блестящее богатство современной естественной науки. Очевидно было, что путь эмпириков правильнее. Однако верить в объективность наших ощущений, а тем более представлений и понятий, было невозможно.

Эмпириокритицизм исходит из обеих этих точек зрения. Что такое опыт и формулирующий разум с точки зрения *психологической*? С этой точки зрения опыт есть единственная первооснова знания: это — вся данность, весь поток жизни, без разделения на физическое, психическое и т.п.»¹.

Из учений идеалистов-критицистов и чистых эмпириков А.В.Луначарский попытался взять наиболее передовые идеи и с их помощью построить свое «здание» эмпириокритицизма, отмежевавшись от всего спекулятивного (от признания законов психики первоначальными, априорными — у критицистов и от веры в объективность наших ощущений, представлений и понятий — у эмпириокритиков). Фундамент собственной философской системы он достроил при помощи двух уточненных понятий — «разум» и «опыт»: «Что такое разум? — это *организующее начало*, разбивающее опыт на элементы, группирующее их по сходству и различию и улавливающее законные чередования явлений так, чтобы возможно было заранее построить картину ряда явлений, совпадающих с действительностью. В чем же доказательство ценности показаний наших чувств, ценности построенный разум: в практической власти над явлениями мира, базирующейся на неизменной связности всего нашего опыта и нашей науки. Анализ и синтез должны производиться с наименьшей затратой сил»². В этой цитате — своего рода квинтэссенция эмпириокритицизма, изложенная наиболее подробно Луначарским в комментариях к книге «Р.Авенариус. «Критика чистого опыта»...» и представляющая собой... полное изменение плана изложения, т.е. замена изложения догматического — дидактическим»³.

А. Снигирев

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОРОЖДЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ

Термин «интертекстуальность» был введен в шестидесятые годы Ю.Кристовой и почти сразу стал одним из основных в анализе художественных произведений преимущественно постмодернистского характера. Исследовательница замечала: «Мы называем интертекстуальностью ту текстуальную интер-акцию, которая происходит внутри отдель-

¹ Луначарский А.В. К вопросу о познании. С. 365—366.

² Там же. С. 366.

³ Луначарский А.В. Р.Авенариус. «Критика чистого опыта»... С. 5.

ного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность — это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [Кристева, С. 443]. Ставшей канонической формулировке понятиям интертекстуальности и «интертекст» предложил в своих работах Р.Барт: « Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [Барт. С. 78].

Интертекстуальность стала популярной концепцией, вскоре вышедшей за рамки чисто теоретического осмысления литературы и культуры. По замечанию И.И.Ильина, она, «приобретая необычайную популярность в мире искусства... как никакая другая категория, оказала влияние на саму художественную практику, на самосознание современного художника» [Ильин. 1996. С. 221]. Н.А.Кузьмина, обобщая в своей работе все теории интертекста, созданные в рамках постструктурализма, говорит о том, что «в постструктурализме снимается проблема заимствований и влияний, первичности и вторичности: через призму интертекста мир предстает как огромный Текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение одних и тех же элементов дает новые комбинации» [Кузьмина. С. 13].

Таким образом, на первый взгляд, интертекстуальная модель порождения нового знания заключается в простом комбинировании фрагментов уже известных текстов. Станислав Лем в одном из своих рассказов довел данную идею до абсурда — некое издательство предлагает покупателям картонные коробки с нарезанными фрагментами знаменитых текстов — таких, как «Война и мир». Читатель, по-разному комбинируя данные фрагменты, создает новый, абсолютно не похожий на исходный, текст.

В литературной практике существуют книги, полностью реализующие данный тип интертекстуальной модели порождения нового знания. Так, например, французский писатель Жак Ривэ выпустил в 1979 году «роман-цитату» «Барышни из А», составленный из семисот пятидесяти цитат, которые были заимствованы у четырехсот восьмью авторов. Если же обращаться к отечественной литературе, то с безусловностью возникает имя Виктор Пелевина, чьи произведения построены именно по данному принципу, что позволяет, перефразируя название одной из его книг, определить художественную доминанту этого современного автора: «Пелевин как Пустота».

На наш взгляд, такое, во многом формальное понимание интертекста, не может быть удовлетворительным. Одним из важных фактором, который породил данную ситуацию, является, по нашему мнению, то, что в определенный момент произошла подмена автора скриптором, который, по мнению Р. Барта, может только «вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые». Таким образом, именно провозглашение «смерти автора» позволило сделать реальной ту ситуацию, когда текст лишается реальной креативной силы и становится не более чем во многом случайным набором фрагментов других текстов.

Однако, реальная художественная практика постмодернизма (особенно в его российском варианте) дает возможность говорить и о другой интертекстуальной модели порождения нового знания.

В качестве примера можно обратиться к небольшому произведению Вен. Ерофеева «Моя маленькая лениниана». Принадлежность данного писателя именно к постмодернистскому направлению в русской литературе у многих исследователей не вызывает сомнений [см., напр.: *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм: Очерк исторической поэтики): Монография. Екатеринбург, 1997. 317 с.]. Действительно, данное произведение состоит почти полностью из цитат, выписанных Ерофеевым из последних томов собрания сочинения В.И.Ленина, содержащих письма и деловые записки. Сам автор пишет об этом так: «Ну, а теперь к делу. То есть к выбранным местам из частной и деловой переписки Ильича с того времени, как он обучился писать и до того (1922) времени, когда он писать разучился» [Ерофеев. С. 167]. Данный принцип — использование цитат автора, которому посвящено произведение, уже использовался ранее Вен. Ерофеевым в работе «Василий Розанов глазами эксцентрика», что говорит о константном характере данного приема.

Ерофеев в своем произведении дает тщательно подобранную подборку ленинских цитат, охватывающую 1895—1922 годы. И именно из этой подборки возникает новый, совершенно не канонический образ Ленина. Ленина, требующего неукоснительного террора и расстрелов, просящего: «Христа ради, посадите в тюрьму кого-нибудь» [Ерофеев. С. 175], Ленина, просящего Каменева: «Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?» [Ерофеев. С. 178], Ленина, не помнящего фамилию Кобы [Ерофеев, С. 170—171], и т.д. С помощью искусно скомбинированных интертекстов перед нами возникает новое знание о Ленине, знание, построенное на новом прочтении его цитат. Казалось бы, на первый взгляд, перед нами та модель порождения нового знания при помощи интертекста, о которой мы говорили выше: Ерофеев просто подобрал в определенном порядке фрагменты однотипных текстов и создал на этой основе этого свой, оригинальный текст.

Однако, Ерофеев не отстранено подает тексты Ленина. Он их неприменно и в разных формах комментирует: «В письмах послезалповских, послеавроровских нет ничего триумфального. Напротив того: «Республика в опасности. Необходимы срочные меры». Например, такие: «Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсенко. Он должен называться просто тов. Овсенко». [Ерофеев. С. 171]. Наиболее язвительно Ерофеев комментирует записку Ленина Федорову, председателя нижегородского губисполкома. Текст Ленина следующий: «В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п. ни минуты промедления». Последующий комментарий автора таков: «Не совсем понятно, кого же убивать. Проституток, спаивающих солдат и бывших офицеров? Или проституток, спаивающих солдат, а уж отдельно — бывших офицеров? И кого стрелять, а кого вывозит? Или вывозить уже после расстрела? И что значит «и т.п.»?» [Ерофеев. С. 172]. Так же, комментируя записку

Ленина касательно профессора Тихвинского, в которой говорится: «химия и контрреволюция не исключают друг друга», Ерофеев пишет, имея в виду профессора: «Расстрелян в 1921 году» [Ерофеев. С. 176].

Таким образом, мы видим, что новое знание порождается не просто за счет того, что предшествующие тексты были механически скомпонованы в один. Авторский комментарий, в котором выражается его позиция, его отношение к тексту, играет более важную роль. Именно авторская интенция, авторская сила и воля скрепляет все разрозненные элементы заимствованных фрагментов. Таким образом, если авторская активность столь сильно влияет на порождение нового знания в очевидно интертекстуально направленных произведениях, то ни в коем случае нельзя говорить о исчезновении и, тем более, смерти автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kisteva J. La revolution du langage poetique: L'ávantgard a la linguistique. P., 1981. 327 p. Цит. по: Ильин И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение. М., 1996. 320 с.
2. Barthes R. Texte // Enciclopedia universalis. P., 1973. Vol. 15. P. 78. Цит. по: Ильин И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение. М., 1996. 320 с.
3. Ильин И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение. М., 1996. 320 с.
4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург-Омск, 1999. 268 с.
5. Ерофеев В.В. Оставьте мою душу в покое: Почти все. М., 1995. 408 с.

А.Шуталева

МИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА: ОПЫТ ПОСТМОДЕРНОГО СОЗНАНИЯ

Постановка данной темы связана с тем, что в основании мистической практики и характерного для Запада в последние десятилетия явления, известного как постмодернизм, лежит один принцип — они направлены не на слова, понятия или вещи, но на бесконечное смещение границ и пределов структуры. Это приводит к тому, что человек сам становится децентрирован (происходит выход за пределы конкретно-телесного «я»), как и текст, который становится не иерархичным.

В человеке сочетаются две вечные страсти — желание любви и желание знания, которые по отдельности отражают стремление сердца и интеллекта к Истине. В духовной истории человечества они представлены как различные фундаментальные позиции, предлагающие свои способы соприкосновения с Неизвестным.

Деятельность интеллекта центрирована; создавая схемы, накладывая определенные рамки и ограничения для понимания и принятия мира, она претендует на завершенность, но не дает внутреннего опыта переживания, личного исследования трансцендентальной Реальности. «Не только знать, но быть» — это единственный критерий непосредственного знания, ведущий к собственной, внутренней и в большей степени интуитивной деятельности мистика.

Мистическая практика — это движение сердца, преодолевающее «Я, Мне, Меня», выводящее человека из состояния ограниченного и изолированного существа, это опыт, который «...не может быть завершен,

© А.Шуталева, 2001